

пе с пером. А Южин - во фраке и орденах. Они торжественно подписались по лестнице, раскланялись с репортерами и, ведомые Бахрушиным, отправились в гостиную. Оставив их там на попечение жены Веры Васильевны, он вернулся в прихожую и вскоре уже приветствовал хранителя Исторического музея князя Щербатова, облаченного в блестящий золотом егермейстерский мундир и какие-то нелепые ботфорты. («Наверное, из запасников музея», - подумал Бахрушин).

А далее последовали - небольшого роста взъерошенный старичок, оказавшийся при ближайшем рассмотрении академиком Федором Евгеньевичем Коршем; любезный и немного надменный Иван Алексеевич Бунин; все еще очаровательная, несмотря на то, что уже отпраздновала свой 25-летний юбилей в Малом театре, Александра Александровна Яблочкина; владельцы московских театров - С.И.Зимин, Ф.А.Корш, К.Н. Незлобин; директор Оружейной палаты В.К.Крутовский. Последними в прихожую вошли Станиславский и Немирович-Данченко. Владимир Иванович на правах старого знакомого - он не раз бывал у Бахрушина - управлял действиями немного смущенного и что-то бормотавшего Константина Сергеевича.

- А другие члены Совета приехали? - поинтересовался Владимир Иванович, расчесывая бороду.

- Все, кроме Федотовой, Мамонтова и Великого князя.

- Бедная Гликерия Николаевна, - вздохнул Станиславский, - она с трудом передвигается по комнате с палочкой. А что Савва Иванович?

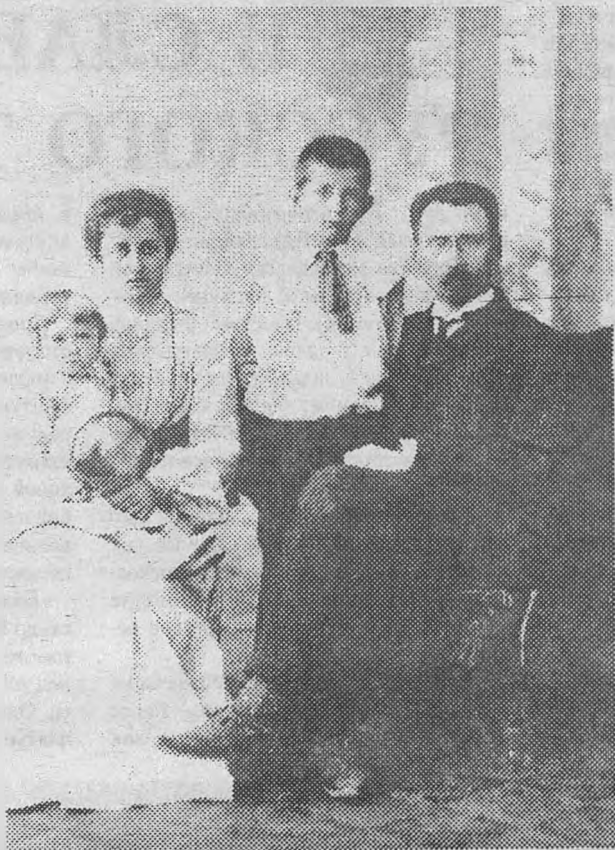
- Он до сих пор не может преодолеть свою стеснительность после выхода из тюрьмы. Многие отвернулись от него. Я собираюсь устроить прием в его честь...

- Прекрасно! - поддержал Бахрушина Немирович-Данченко. - Надо срочно изгнать нашего Савву Великолепного от его добровольного заточения.

Часы в столовой пробили три, а великого князя все еще не было. Бахрушин, нервы которого были взвинчены до предела, уже собирался выглянуть на улицу, как снаружи послышался автомобильный гудок и вбежавший полицейский пристав испуганно провозгласил: «Едут!»

Президент Академии Наук Великий

князь Константин Константинович, более известный в артистических и литературных кругах как поэт и актер-любитель К.Р., - высокий мужчина лет пятидесяти с сухим и немного ассиметричным лицом, улыбаясь и картавя, нараспев приветствовал Бахрушина и его семейство. Вначале они зашли в кабинет, где Бахрушин пытался доложить Великому князю о порядке заседания, но тот слушал его рассеянно, взгляд его скользил по картинам, укра-

шавшим стены кабинета. Перед портретом Павла I Великий князь остановился:

- Какой прекрасный портрет прадеда! - воскликнул он. - Конечно, Павел был сумасшедшим, но вы знаете, я его все-таки люблю: какая-то в нем была романтика, стремление идти наперекор общепринятым нормам.

В гостиной Бахрушин представил ему членов Попечительского Совета.

- Давно я вас не видел, - ласково сказал Великий князь Станиславскому, - как вы поседели... Ну, ничего, было бы сердце молодо.

Константин Сергеевич сконфузился, покраснел, пробормотал что-то в ответ, но Великий князь уже перешел к Немировичу-Данченко.

- А вас не узнаешь, у вас совсем другая борода. Раньше была такая, - он

сделал движение рукой, как бы расправляя бороду на две стороны, - а теперь такая - последовало движение от шеи до подбородка. Пожалуй, так будет солиднее для вашего положения.

Владимир Иванович был озадачен: принимать это в шутку или всерьез.

После того, как все уселись за общим большим столом, Великий князь обратил внимание на то, что отсутствует Вера Васильевна и сын Бахрушина - семнадцатилетний Юрий.

- Ваша жена и ваш сын, - сказал он, - не посторонние, а будущие попечители музея. И пригласил Веру Васильевну занять место за общим столом. Юра и семилетняя дочь Бахрушиных Кира остались стоять в дверях.

Театральный фотограф Фишер произвел фотосъемку, и начался торжественный акт передачи музея государству. Речь Константина Константиновича носила официальный характер и выражала глубокую убежденность в будущем процветании музея. Потом Яблочкина зачитала приветственное письмо Федотовой. Южин говорил о тесной связи деятельности Бахрушина с Малым театром и выразил благодарность государству, которое, наконец, признало труд русского актера столь же полезным, как труд ученого, писателя, художника. Прозвучали приветствия, были зачитаны телеграммы от театральных коллективов Москвы и Петербурга... В заключение член Государ-

ственного Совета М.А.Стахович просил принять в дар неопубликованное письмо Мочалова С.Т.Аксакову. Во время чтения письма часы пробили четыре, и вслед за этим раздались музыка. Но Стахович не растерялся и продолжил чтение под музыку.

- Превосходная мелодекламация! - заметил Станиславский под общие одобрительные возгласы.

С ответным словом выступил Бахрушин. Приготовленный заранее лист с написанной речью дрожал в его руке. Когда же он дошел до слов: «Я, сын великого русского народа, обязан предоставить это собрание на пользу этого народа, для пользы и славы русского театра», - голос его задрожал, он потерял самообладание, но тут почувствовал, как кто-то крепко сжал его руку под столом. Это был Великий князь,

который своим рукопожатием помог Бахрушину закончить речь.

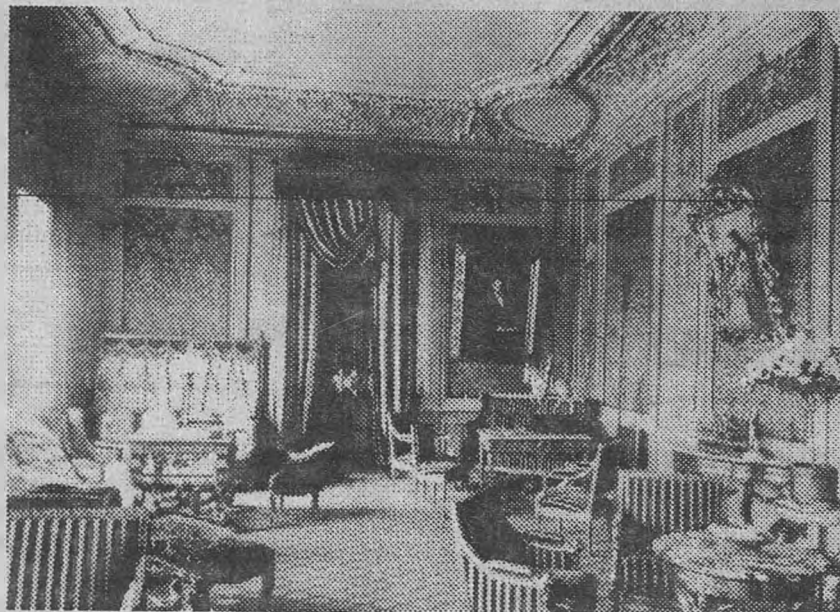
По окончании заседания начался осмотр музея. Целые театральные эпохи тесно соприкасались здесь друг с другом. Старинные афиши Малого театра и макеты декораций покойного А.П.Ленского лежали рядом с эскизами декораций К.Коровина к опере «Кармен». Великий князь с трудом поспевал за Бахрушиным - давала знать о себе рана на правой ноге, полученная в бою под Плевной. А Станиславский же, наоборот, все время старался отстать, и наедине ознакомиться с экспонатами.

Особенное оживление гостей вызвали оригинальные подарки, поднесенные директору Малого театра Федорову, который отличался крутым нравом. Актеры преподнесли ему массивное изображение кулака и цепи. Тут же находилась часть свай Большого театра, вырытая при его реставрации в 1897 году, и книга жалованья Малого театра, из которой Южин прочитал строчку о том, что Рыбаков с сыном получали жалованья 50 рублей. Далее последовал шкаф с автографами, витрина с театральными костюмами, афиша «Ревизора» 1860 года, где все роли исполняли известные писатели; вещи и автографы Пушкина, Грибоедова, Крылова... Как особую ценность показал Бахрушин грамоты на персидском языке с извинениями по поводу убийства Грибоедова, а также Дело об Опеке Пушкина и экземпляр «Бориса Годунова» с многочисленными пометами Пушкина.

Потом гости осмотрели кабинет В.Ф.Комиссаржевской, грамоту о дворянстве, дарованную основателю русского театра Ф.Волкову, подлинное письмо актеров XVIII века. Рассмешило всех письмо Сандуновых, которые просили Екатерину II оградить их от амурных притязаний графа Безбородка. С нежностью показал Бахрушин и оригинальную коллекцию балетных туфель всех первых балерин с их подписями, а также слепок с ноги Тальони, пуговицу от кафтана знаменитого мага и чародея Лентовского и бюст великого трагика Сальвини...

Перед уходом Великий князь сказал: - Поздравляю вас, Ваше Превосходительство, - Бахрушин удивленно посмотрел на него. - Да, да, не удивляйтесь: вы ведь теперь почетный попечитель музея вашего имени и поэтому становитесь государственным мужем пятого класса... - Бахрушин поморщился. - Знаю, знаю, вы не любите никаких наград и званий. Ну, да хранит вас Господь и ваш музей от всяких бурь и потрясений. А мы уж постараемся помочь вам.

Бури и потрясения не заставили себя долго ждать. Первая мировая война и начавшаяся вслед за ней революция 1917 года потребовали от Бахрушина и его семейства максимального

напряжения сил и здоровья. Большевистские власти не раз пытались закрыть музей то под предлогом плохой его посещаемости представителями рабочего класса, то вследствие острой жилищной проблемы. Бахрушин как мог противостоял этим нелепым указам, писал в различные инстанции, доказывал, убеждал, обращался за помощью к Луначарскому и другим влиятельным людям, и в то же время не упускал ни одного случая, чтобы пополнить коллекцию, используя скудные средства бюджета и свое мизерное жалованье. Его здоровая от природы натура не выдержала всех этих испытаний, и в 1929 году он скончался в возрасте 64 лет. А потом началось планомерное уничтожение музея. Новые заведующие, несмотря на протесты вдовы, уничтожали лепные потолки, уникальные каминные, перестраивали на свой вкус комнаты, а в 1937 году было принято решение о переводе музея в подвальные помещения Политех-

нического музея. С большим трудом Вере Васильевне и Юрию Алексеевичу удалось отстоять музей.

И даже теперь, в наше время, коллективу музея приходится отбивать атаки толстосумов-нуворишей, недальновидных чиновников и малограмотных начальников, стремящихся всеми правдами и неправдами вторгнуться на территорию музея, использовать ее в своих коммерческих интересах. Русские купцы-меценаты умели сочетать свою коммерческую деятельность с благотворительностью, личные интересы с общественной пользой, оставив и после себя удивительные собрания художественных ценностей и городских учреждений - больницы, типографий, институ-

тов, театров... Остается надеяться, что и нынешние, новоявленные купцы продолжат традицию Третьяковых, Щукиных, Мамонтовых, Морозовых, Солдатенкова и Бахрушина... А пока от их «загрязненных рук» нужно бережно охранять наши культурные святыни. Поэтому весьма отродно было узнать, что уже готово постановление о создании на территории музея заповедной зоны.

В дни празднования 100-летнего юбилея музея Бахрушина творческий коллектив подготовил разнообразную и интересную программу: это и выставка в самом музее - «Алексей Бахрушин в Москве», и «Русский театральный авангард» - на Кузнецком мосту, выставка «Театральные реликвии» - на Арбате, «Парижские сезоны русского балета» - в музее революции... 27 октября в музее состоялась встреча потомков Бахрушина, а на следующий день был отслужен Благодарственный молебен в храме Св. Троицы в Кожевниках и возложены цветы на могилу А.А.Бахрушина на Ваганьковском кладбище...

Алексей Александрович Бахрушин не жаждал славы, она пришла к нему сама.

Владислав МАТУСЕВИЧ